

Александр Етоев

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СВЕТОТЕНИ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Е 88

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

В оформлении обложки использована картина Игоря Нелюбовича
«Подъяческая улица»: 180 × 120 см, холст, акрил. 2025.

Етоев А.

Е 88 Бегство в Египет : Петербургские светотени : романы, повести, рассказы / Александр Етоев. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 896 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-31972-1

Александр Етоев — автор более полутора десятков книг разных жанров и направлений, лауреат ряда литературных премий («Странник», «Золотой Остап», им. Гоголя, им. Маршака, АБС-премия и др.). Роман Етоева «Я буду всегда с тобой» вошёл в шорт-лист премии «Национальный бестселлер» (2019). По рассказу «Акуака» снят одноимённый короткометражный фильм, занявший первое место в номинации «Актёрская работа» на Международном конкурсе короткометражных фильмов в 2017 году.

Книгу избранных сочинений Александра Етоева в основном составляют произведения, тесно связанные с городом, в котором автор родился и живёт вот уже более полувека. Повести «Бегство в Египет», «Правило левой ноги», «Порох непромокаемый», роман «Человек из паутины», рассказы — везде город едва ли не основной герой и влияет на судьбу персонажей не меньше, чем влияет на них питерская погода. Не выпадает из петербургской темы и последний роман писателя «Летучий марсианский корабль». Лунина, героя романа, насильно переносят на Марс, в мир мёртвых, не откуда-нибудь, а из петербургской Коломны, где когда-то бродил по улицам нос, сбежавший от своего хозяина, и где герой «Медного всадника» бросал в лицо истукану своё решительное «Ужо тебе!». А старый ленинградский трамвай «забирался на Египетский мост, немного медлил и проваливался за дома-пирамиды» («Бегство в Египет»).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© А. В. Етоев, 2026
© И. А. Нелюбович, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-31972-1

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Маленькая повесть для больших детей

1

В детстве я выпиливал лобзиком, не курил и страшно не любил темноту. Полюбил я её только лет в восемнадцать, когда начал курить, зато перестал выпиливать лобзиком. До сих пор об этом жалею.

Я помню, на нашей Прядильной улице, когда меняли булыжную мостовую, мальчишки из соседнего дома в песке отрыли авиационную бомбу. Участок улицы оцепили, жителей из ближайших домов эвакуировали к родственникам и знакомым, а мы, местное сопливое население, стояли вдоль верёвки с флажками и ждали, когда рванёт.

Приехала военная пятитонка, мордатый сапёр с усами командовал из кабины двум молодым солдатикам: «Лёха! Миха! Вперёд!» — и Лёха с Михой, дымя на бомбу авроринами, выворотили её из песка, схватили, Лёха спереди, Миха сзади, и, раскачав, зашвырнули в железный кузов.

С тех пор я знаю, что такое «гражданское мужество».

Друзей у меня было двое — Женя Йоних и черепаха Таня. Втроём мы бегали на Египетский мост смотреть на мутную воду.

Да, чуть не забыл, внизу под мостом протекала река Фонтанка.

2

Художник Тициан был не прав. В Египте звенят тополя — серебряные и простые. И Мария везёт младенца в скрипучей детской коляске с протёртым верхом из кожзаменителя. А Иосиф, добрый лысый еврей, плетётся чуть в стороне и бормочет невпопад Пастернака.

— Египет? Ты это брось, — сказал крёстный. — Египет в Африке.

И, оттерев меня лбами, они с папой принялись на географическом атласе искать Африку.

Сначала они пришли в Антарктиду, где холодно.

Потом отправились на кухню курить.

Потом вернулись, и крёстный сказал: «Ага!» Это он нашёл Африку. Она была разноцветная и большая и по краям вся в трещинах африканских рек. В Африке было жарко, и крёстный с папой пошли в Покровский сад выпить квасу.

Я знал, что это надолго, спрятал в карман котлету и спустился чёрным ходом во двор кормить черепаху Таню.

3

Старый Египетский мост охраняют сфинксы. Два — на коломенской стороне, у нас, и два — на другой, египетской.

Уже полгода мы с Женькой Йонихом мечтаем сбежать в Египет. Женьке мешает скрипка, мне — ничего не мешает, но без Женьки я не могу: сами понимаете — дружба.

Йоних — человек гениальный, его мама, Суламифь Соломоновна, в этом абсолютно уверена, особенно в его музыкальном слухе. А я — так себе, серединка на половинку, просто человек, одним словом.

Собственно говоря, идея сбежать в Египет принадлежала Женьке. Я уже не помню, почему он выбрал Египет, а не дебри Борнео и не Соломоновы острова. Наверное, Египет тогда нам казался ближе. В Египет ходил трамвай — забирался на Египетский мост, немного медлил и проваливался за дома-пирамиды.

Зато я отлично помню, от чего он хотел сбежать — от этой своей гениальности, в которую он не верил.

4

Женька Йоних с утра репетировал — возле открытой форточки вместо утренней физзарядки. Скрипка ещё спала, и звук получался сонный. Тонкий, тоньше комариного клюва, он медлен-

но утекать за окно и падал на холодный асфальт. С кухни пахло куриным запахом пищи.

Женька Йоних вздыхал и с ненавистью глядел на скрипку. Скрипка, как половинка груши, спала на его плече. Тогда он больно и с тихой злостью таранил острым смычком её надкушенную середину, она вздрагивала, сонно зевала, и всё повторялось снова.

В клетке на этажерке жил злобный попугай Стёпа. Он слушал и насмехался. Музыка он не любил. Жёлто-зелёным глазом он смотрел на семечки нот, рассыпанных по нотной тетради, и облизывался с жадным прищуром.

5

Женька у себя репетировал, а я с утра пропадаю на улице.

Утро было воскресное, и торчать у всех на виду в просыпающейся коммунальной квартире — то ещё, скажу я вам, удовольствия.

Сизый дым сковородок, застоявшееся в тазах бельё, храп инвалида Ртова, от которого дрожат стены и мигает лампочка в коридоре, утренняя очередь в туалет... На улице было лучше.

Посверкивал диабаз, небо перебежали тучки, но день обещал быть тёплым.

Ничего особенного от нашей улицы я не ждал, я знал её как облупленную. Трамваи по ней не ходили, криминальный элемент Кочкин с июня был прописан в колонии, до ноябрьских праздников почти месяц. Друг и тот репетирует по утрам — так что приходится гулять в одиночестве.

Поэтому когда я увидел стоящего у стены человека, то сначала не заметил в нём ничего особенного. Стоит себе и стоит у дома № 13, голову задрал вверх, над ним на фасаде кариатида, похожая на гипсовых физкультурниц из ЦПКиО; когда-то кариатид было две, но напарницу её в прошлом марте убила ледяная сосулька, когда скалывали с крыш лёд.

Но что-то меня в этом типе заинтересовало.

Какой-то он был не такой, как все. Не совсем такой. Стоял он не то чтобы беспокойно, но всё-таки теребил пуговицу на рукаве. И пусть бы себе теребил, но при этом он удивительно

напоминал Лодыгина, нашего лестничного соседа, очень непонятного человека.

Такое же пальтецо, мышиноного с пролысью цвета. Те же брюки в кривую линейку. И шляпа — главное, шляпа старинного охотничьего покроя.

А на шляпе — сбоку — жестяная птица глухарь.

И уши, и нос трамплином, и голос — всё было его.

И только рыжие мочалки усов, топырящиеся из-под мохнатых бровей, были, кажется, не его.

Я задумался.

Глаза странного человека закрывали огромные, в пол-лица, очки — коричневые, без просветов, как маска.

Нет, очки были не лодыгинские. Тот носит обыкновенные, и дужка перемотана изолентой.

Я задумался ещё крепче. Мне сделалось интересно. Я стал присматриваться. Сначала к шляпе с приклёпаным к ней намертво глухарём.

Шляпа на человеке жила своей особенной жизнью. Она тихо сползала ему на глаза, доходила до какой-то черты и, должно быть почувствовав, что пора, быстро падала с головы на асфальт.

Асфальт всхлипывал, шляпа — тоже, человек нагибался за шляпой, и в это время с лица спадали очки.

Так он стоял, сгибаясь и разгибаясь. Сначала падала шляпа, потом, за шляпой, очки. По очереди: шляпа — очки.

Но кто это был, Лодыгин или не он, с места, откуда я наблюдал, было не разглядеть.

Человек стоял рядом с домом, плечом подпирая стену, и в промежутках, когда не двигался, напускал на себя вид человека, который очень старательно высматривает кого-то на улице. Слишком старательно — и дураку было ясно, что смотрит он для отвода глаз. Я это понял сразу. Но это было ещё не всё. Не самое любопытное. Интереснее было другое.

Рядом с ним стоял другой человек, без шляпы.

Ростом этот второй был ниже первого ровно на высоту шляпы, это когда у первого она держалась на голове. Стоял он ровно, не сгибаясь — не разгибаясь.

Лица у них были похожи. Вернее, очки на лицах. Коричневые, огромные, как будто куплены в одном магазине.

Я тихонько присвистнул и продолжал наблюдать.

Похоже, у этого, что держался ровно, болели зубы. К щеке его прирос какой-то бабий идиотский платок в маринованный зелёный горошек да ещё сверху перевязанный узелком. Как заячьи уши.

Стояли эти двое тоже как-то не по-людски, а друг к другу спиной. Они как бы не замечали один другого, как бы старались всем показать, что знать друг друга не знают и совсем друг другу неинтересны.

Такая вот загадочная картинка.

Поначалу картинка была немой. Только глухо стучала шляпа, звякали об асфальт очки да с задержкой в четверть секунды до подворотни, откуда я наблюдал, долетало гулкое эхо.

Но что-то было ещё — какое-то бормотанье, чей-то голос, невнятный и шепелявый, скрывающийся за бубном очков и глухим барабаном шляпы. Чей только?

Я навёл на резкость глаза и увидел, как у первого шевелятся губы. Голос был определённо Лодыгина. Говорил он как бы в пространство, как бы беседовал сам с собой, а второй, стоящий к нему спиной, как бы его не слушал.

Не слушал-то он не слушал, только ухо его дёргалось, как укушенное, когда у первого шевелились губы. Потом проходило время, и первый, наговорившись, давал губам отдохнуть.

Тогда начинал другой. И всё менялось местами. Второй шевелил губами, а первый как бы его не слушал.

Сцена была удивительная. Эти двое стояли, пока не думая расходиться. Ветер трепал их пальто, ёжик на голове бесшляпного волновался, словно пряди Медузы, а в несчастную шляпу первого, когда она падала на асфальт, наметало палой листвы из садика на углу с переулком.

Тогда первый хватал свою шляпу и, словно библейский сеятель, расшвыривал их оттуда по сторонам.

Надо было что-то решать. Улица уже оживала, и ясно было, что долго этим двоим не выстоять.

— Господи, ну я-то в чём виновата! — сказала мама, Суламифь Соломоновна. — Снова валяешь дурака?

— Я репетирую, — сказал Женька и смычком уколол струну.

— Врёт, — сказал попугай с нагловатой попугайской улыбкой.

— Вижу я, как ты репетируешь. Это ж подумать — всё для него, себя ради него не жалею, а что взамен? Чёрная неблагодарность! «Я репетирую». Если б Ойстрах так репетировал, кем бы он стал? Ойстрахом? Водопроводчиком он бы стал. Тебе абсолютно не важно, что говорит мать. Меня ты не слушаешь. Но если я для тебя ничто, то хотя бы ради памяти твоего покойного дедушки не сиди сложа руки. Работай.

— Я не сижу. Я репетирую.

— Ну хорошо, ладно. Это хорошо, что ты трудишься. Ты ещё маленький и многого в жизни не понимаешь. И может так получится, что, когда поймёшь, будет поздно. Так вот, чтобы не было поздно, ты должен меня во всём слушаться. Я твоя мать и плохого тебе не желаю. Как ты этого не понимаешь!

Глаза её стали влажными и коричневыми от заботы и от печали.

— Мама...

— Нет, ты не понимаешь. Пойми, у тебя способности. Ты сам не знаешь, что у тебя способности. А я знаю. И я их разовью. Так что, не думай, водопроводчиком у тебя стать не получится. Не для этого я тебя родила. Вот увидишь, я сделаю из тебя Ойстраха.

Нитка с китайским жемчугом дрожала у неё на груди. Мама теребила жемчужины, оживляя их тёплыми подушечками ладоней. Попугай, тревожно нахохлившись, приюхивался к куриным запахам кухни. Петушок на кухне, уже опалённый, уже отпевший лебединую свою песню, томился в тесной кастрюльке в золоте бульонной воды.

Жемчужины играли на солнце на белой материнской груди. А петушка принесли им в жертву, чтобы они играли на солнце, а порча и коварная чернь не подкрадывались их погубить.

Мама знала, как спасти жемчуг, — знала от своей мамы, бабушки Женьки Йониха, а та ещё от своей, и так далее, от матери к дочери, в мудрую глубину веков.

Надо было дать склевать жемчужины петуху; там, в петушьей утробе, жемчуг набирал силу, а через день, к субботе, петух приносился в жертву, внутренности из него вынимались, и жемчужины, все новенькие, как одна, снова радовались своему воскресению.

Мама, Суламифь Соломоновна, сказала сыну:

— Играй. — И ушла из комнаты.

Женька Йоних печально вздохнул и подумал про свой Египет.

За окошком над полосатыми крышами полз по небу жук-скарабей. За Фонтанку, по белу небу, и лапками катил перед собой солнце.

Женька тронул струны и тихонечко заиграл.

7

Улица оживала.

Прошаркал вялый инвалид Ртов выпить квасу в Покровский сад. Молодые мамы выкатывали коляски. Прохожих становилось всё больше.

Надо было что-то решать. Улица сама и решила.

«Сделаться на время прохожим. Ну конечно. Проще простого».

Превратиться в прохожего, пройти мимо этих двоих и послушать, о чём они там щебечут.

Прохожий — вещь незаметная. Он в каком-то смысле предмет. Как тот фонарь, или эта стенка, или урна, или копейка на мостовой.

И поскорей, пока эти двое не разбежались.

Я вышел из подворотни, быстренько одолел улицу и свернул за угол на проспект. Постоял, сосчитал до двух и опять вернулся на улицу, на ту сторону, где стояли они.

Что на свете серее пыли? Мышь. А серее мыши? Правильно, школьная форма.

В своём мышинном костюмчике я чувствовал себя невидимкой. Костюмчик был мешковатый, то есть сильно напоминал мешок. Мешок, а в мешке — я на фоне длинной серой стены дома № 31.

Игра в прохожего мне понравилась. В ней главное — быть естественным, вести себя по-простому, средне, не выделяясь. Примерно так же, как в жизни.

Я шёл себе руки в брюки, насвистывал «Подмосковные вечера» и, как бы щурясь от воскресного неба, присматривался к таинственным незнакомцам.

До них оставалось домов пять или шесть. Я уже приготовил уши. Вот тут-то и случился конфуз.

Дом № 23 был цветом не такой, как другие. Другие стояли серые — от времени и от скуки, — а этот весь был какой-то бледный, золотушно-чахоточный, и стоял, опираясь, будто на костыли, на старые водосточные трубы.

Моя серая мешковина на фоне этой больничной немочи была как толстый рыночный помидор на тарелке с магазинными сухофруктами.

Плакала моя маскировка.

Но тут я вспомнил, что у куртки существует подкладка. И цвет примерно подходит.

Долго я не раздумывал. Вывернул на ходу одежду и иду себе не спеша дальше, свищу «Подмосковные вечера».

Прошёл я желтушный дом, вывернулся серым наружу и снова стал как мешок.

Пронесло.

На этих я уже не смотрел, боялся спугнуть. Глаз, ведь он как фонарь — его издали видно. Поэтому я работал ухом, помогая ему ногами.

И всё же я немного не рассчитал. Вернее, глаз мой дал маху, засмотревшись на какую-то вмятину на асфальте. Правда, вмятина была интересная и по форме сильно напоминала шляпу Лодыгина. Поэтому когда я услышал голос, то сначала чуть не подпрыгнул, но тут же взял себя в руки.

«Спокойно», — сказал я себе и весь превратился в слух.

— Значит, так, — говорил Лодыгин (голос был точно его), — главное, чемоданы. И всех расставь по местам. Чтобы ни один у меня...

Дальше я не расслышал. Ноги сами несли вперёд, и что-то больно давило в спину. Я догадался что. Взгляд, тяжёлый и липкий, словно глина или змея.

В воздухе запахло больницей.

«Не оглядывайся. Ты прохожий, терпи».

Я чувствовал: обернёшься — застынешь каменным истуканом и останешься таким на всю жизнь.

За углом я выдохнул страх и глотнул осеннего воздуха. Небо было в солнечных зайчиках и вёртких городских воробьях. Но почему-то перед моими глазами плавали раздутые чемоданы. Как утопленники, как накачанные газом баллоны, как гигантские городские мухи. И шептали мне лодыгинским голосом: «Теперь ты наш, теперь от нас не уйдёшь».

8

Я смотрел на Женькины занавески и ждал, когда он откликнется. Мелкие камешки нетерпения перекатывались у меня под кожей, не давая спокойно жить. Изнутри колело и жгло, как будто я проглотил горячий пирог с ежами.

Надо было срочно поделиться новостью с другом.

Я ещё раз свистнул в окошко условным свистом. Женька не отвечал. Легонько дёрнулась занавеска — видно, от сквозняка, — и из щели выглянул тяжёлый угол комода.

Со скрипкой он там, что ли, своей обнимается? Я нервничал, новость жгла. Я пошарил вокруг глазами, высматривая, чем бы бросить в окно, но ничего подходящего не нашёл. Придётся тратить драгоценный мелок. Я прицелился и запустил им в стекло.

Мелок влетел точно в форточку, в прореху между тюлевыми занавесками. Я свистнул на всякий случай ещё, чтобы не подумали на уличных хулиганов.

Занавеска взмахнула крыльями, я вытянул по-жирافیи шею. Хитро, как преступник преступнику, мне подмигнул ко-

мод. Потом он пропал из виду, потому что на его месте вдруг возникла Суламифь Соломоновна, мама Женьки. И жалкими высохшими тенями, будто уменьшенные с помощью волшебного порошка, маячили между пальмами на обоях Женька и его скрипка.

Створки щёлкнули, и окно открылось. Солнце ударило из-за труб, волосы Суламифи Соломоновны окутались золотым дымом. Теперь она была не просто Женькиной мамой, она была библейской Юдифью со знаменитой эрмитажной картины. Я чувствовал, что моя голова почти уже не держится на плечах.

Я поднял глаза и хотел промычать «здрасте», но её жемчужное ожерелье слепило, будто электросварка.

— Это жестоко, молодой человек. Посмотрите, что вы сделали с птицей.

В ямке её ладоней лежал контуженный попугай Стёпа. Голова его была вся в меду, хохолок, когда-то изумрудно-зелёный, стал грязнее обшарпанной штукатурки. Он с трудом повернул голову и хрипло воскликнул: «Умерр!»

Потом трагически закатил глаза. Потом приподнялся на правом крыле и, откинув левое в сторону, тихо сказал: «Вррача».

К горлу Суламифи Соломоновны подкатилась солёная волна жалости. Она сглотнула, шея её надулась, она хотела что-то сказать, но не успела — нитка с жемчугом оборвалась, и на серый асфальт земли просыпался звонкий дождь.

Несчастная Суламифь Соломоновна заметалась, словно пламя в лампадке.

— Ты... ты... — Она тыкала в меня пальцем, как будто это я перетёр ниточку взглядом.

— Ты... — И вдруг она замолчала, вместо губ заговорили глаза, наливаясь жемчужинами-слезами.

Попугай в секунду превратился в живого и, разбрасывая облачка мела, поскорей улетел в комнату.

Надо было Суламифь Соломоновну выручать.

— Сейчас, — крикнул я и первым делом кинулся выручать ниточку, которую ветер прилепил к урне. Я поднял её, береж-

но намотал на палец и, ёрзая коленями по асфальту, пополз собирать жемчужины.

Но ветер оказался проворнее. Он ударил тугой струёй, полетели по мостовой листья, упали с проводов воробьи, толстые осенние голуби запрыгали, как войлочные мячи, и застряли в Климовом переулке.

А когда улеглась пыль, жемчужин больше не было ни одной, всех их склевали птицы. Тогда я смотал с пальца ниточку и весело помахал ею в воздухе.

— Вот...

Наверное, улыбка моя была слишком широкой, потому что Суламифь Соломоновна вдруг сделалась белой-белой, а потом вдруг сделалась красной, почти бордовой, но это была уже не она, это была каменная плита комода, нависшая над моей могилой.

9

Воскресенье кончилось, начался понедельник.

Опять было утро, но квартира уже молчала — родители ушли на работу, соседи тоже, остался лишь инвалид Ртов. Он сидел на кухне на табурете, ремонтировал свой костыль. Потом хлопнула дверь на лестницу, это пришёл с ночного дежурства ещё один наш сосед — Кузьмин.

Дядя Петя Кузьмин работал где-то в охране и зимой и летом носил шинель и зелёную пограничную фуражку. Ещё он курил трубку — «в память о товарище Сталине».

В школу я ходил во вторую смену, утро было свободное, уроков на понедельник не задавали.

Я валялся на пролёжанной оттоманке и лениво грыз авторучку. Передо мной лежала тетрадка, на обложке было написано красивыми буквами: «Тайна ракеты». Ниже тянулись буквы помельче: «научно-фантастический роман».

Писать роман я начал ещё в прошлое воскресенье — от скуки, потому что день был пропащий, с утра поливало как из ведра и на улицу идти не хотелось.

Первая глава начиналась так:

«Я шёл по дремучему лесу и вдруг увидел человека в скафандре, который со зловещей улыбкой смотрел мне прямо в спину. Я почуял недоброе. Вдруг он выхватил атомный пистолет и нажал курок. Я нагнулся, и атомная пуля пролетела мне прямо над головой. Пока он перезаряжался, я отбежал за дерево и вдруг увидел ракету, которая стояла, как зловещая сигара. Вдруг в ракете открылся люк. Я залез в люк, и вдруг она полетела вверх. Я увидел в иллюминатор, как человек в скафандре бежит к ракете, но было поздно. Ракета уже приближалась к космическому пространству».

На этом месте первая глава обрывалась, и я кусал несчастную авторучку, не зная, что написать дальше. Будто это она была виновата.

На кухне грохнул об пол костыль. Я приоткрыл дверь в коридор.

— Пестиком, я тебе говорю, — сказали голосом дяди Пети.

— А я говорю, пальцем. — И снова бухнула деревяшка Ртова.

— Знаешь, что пальцем делают? Им в носу ковыряют. А трубку товарищ Сталин всегда набивал пестиком. У него был такой специальный, ему тульские оружейники его к юбилею сделали.

— Ты это старухе своей рассказывай насчёт пестика. Трубку товарищ Сталин набивал пальцем, вот этим, большим, потому что был человек простой.

Что-то там у них заскрипело — видно, инвалид стал показывать, как товарищ Сталин набивал трубку.

Через пару секунд я услышал:

— Ртов, ты на фронте был? Вшей в окопах кормил? Может, скажешь, фашистским танком ногу тебе отдавило? Чемоданом тебе её отдавило, когда драпал за Урал в тыл.

«Чемоданом». Я даже вздрогнул, едва услышал знакомое слово.

На кухне затрещал табурет.

— В тыл, говоришь? За Урал? Ну всё, вохра поганая, сейчас я тебя буду ставить к стенке.

Дядя Петя хрипло расхохотался.

— Сам я таких, как ты, ставил к стенке, бендера.

На кухне запахло порохом. Надо было срочно бежать во двор, пока не ударила тяжёлая артиллерия.

10

Человек Лодыгин аккуратно подышал на очки и протёр их насухо тряпочкой.

Телескоп он приготовил заранее: тот с вечера дремал на треноге и дулом был повёрнут во двор.

Будильник прозвенел девять.

Лодыгин окунул глаз в окуляр и увидел чёрную ночь. Он ещё раз посмотрел на будильник: утро, две минуты десятого. Приставил будильник к уху: ходит.

Тогда почему ночь?

Он сдвинул шляпу на лоб и подёргал волосы на затылке. Походил, подумал, хлопнул себя по шляпе, танцуя, подошёл к телескопу и снял с него переднюю крышку. Потом снова заглянул в окуляр.

Теперь он увидел двор. Во дворе было пусто и тихо. Ни травинки, ни человека — осень.

— Опаздывает, — сказал он вслух. — Вот и связывайся с такими.

На стене висела картина «Утро в сосновом лесу». Под картиной стоял аквариум — стеклянный пятиведёрный ящик, наполненный рыбками и водой.

Декоративная пластмассовая коряга изображала морское дно. Рыбки плавали у поверхности и тянули из воды рты.

— Нате жрите, — сказал человек Лодыгин, снял со стены картину и стряхнул в аквариум тараканов, пригревшихся на заднике полотна.

На лицо его выскочила улыбка. Он затёр её рукавом и только потянулся за папиросами, как ухо его задрожало и повернулось к окну. Что-то в нём, в ухе его, аукнулось.

Человек Лодыгин миг позабыл про рыбок и папиросы и бросился к телескопу.

На сморщенной ладони двора стоял человек. Человек этот был я, но только большой и сильный. В этом был виноват телескоп.

Лодыгин всё-таки дотянулся до папиросы и выпустил стебелёк дыма.

— Ты-то мне, голубчик, и нужен, — сказал человек Лодыгин и выпустил ещё один стебелёк дыма. На конце его вырос дымчато-голубой цветок, пожил немного и умер от сквозняка.

— А этого мерзавца всё нет, — он хмуро посмотрел на будильник, — опаздывает на пятнадцать минут. Если минута — рубль, то с него пятнадцать рублей.

— Шестнадцать. — Человек Лодыгин проследил, как стрелка перепрыгнула на одно деленье, и стал ждать, когда выскочит ещё рубль.

11

Я вышел в наш молчаливый двор и задумался о времени и о дружбе.

К Женьке было нельзя, теперь уже, должно быть, навечно. Черепаха Таня ещё спала, она у нас была полуночница. Делать было решительно нечего. Ладно, пойду домой, вдруг бойцы на кухне перебили друг друга и можно спокойно повыпиливать лобзиком.

И тут я услышал голос. Он вырвался из трубы подворотни, как полоумный пёс.

— Ножи точу! — закричало над моим ухом, и в облаке серебряной пыли на двор выкатился старик.

Перед собой он толкал что-то похожее на патефон на колёсиках — такое же хриплое и горластое, прилаженное к металлической раме и в брызгах трамвайных искр.

— Семнадцать рублей двадцать четыре копейки, — сосчитал у себя наверху человек Лодыгин. Потом, не отлепляя глаза от окуляра, дотянулся до широкого подоконника.

На подоконнике храпел кот. Он был чёрный, как головешка, и тяжёлый, как чугунный утюг. Хвост у кота был огненный, как свёрнутое в трубочку пламя.

Рука Лодыгина взяла кота за загривок и развернула хвостом к окну. Кот лениво разжмурил глаз, зевнул и захрапел дальше.

— Ножи! Точу! — Старик, щурясь, сначала посмотрел на меня, потом внимательно оглядел двор, потом сунулся взглядом в окошки и быстренько прошёлся по ним.

На каком-то он, похоже, споткнулся, потому что сказал: «Ага» — и снова посмотрел на меня.

— Поганый у вас, однако, дворишко, не разживёшься. Эй, шпанина, ты тутошний?

Человек Лодыгин приставил к уху метровую слуховую трубу, а конец её вывел в форточку.

— Тьфу, прости господи! Ну как с такими невеждами культурному человеку дело иметь! От него ж тюремной баландой за километр пахнет. Помягче надо, помягче, дитё ж, а не чёрт лысый. Нет, пора останавливаться — не хочу, не могу, не бу..

Стоптанным ржым ботинком старик давил на рубчатую педаль, а голосом давил на меня.

— А что? — спросил я.

— А то, — сказал мне старик. — Значит, местный?

— Ну местный.

— Вижу, что не американец. А скажи, ты не сирота?

В его мохнатых глазах не плавало ни капли улыбки.

— Это почему сирота? Не сирота я.

— Ага, не сирота, жаль. Если бы ты был сирота, я дал бы тебе вот это.

Старик вынул откуда-то из себя конфету «Мишка на Севере» в сморщенной вощёной обёртке.

— А раз ты не сирота, то получай вот это.

Конфета забилась вместе с рукой в рукав, а оттуда вылезла жёлтая костлявая фига.

— Ножи-ножницы-топоры-пилы-точу-правлю-цена умеренная! — заорал он на всю вселенную.

Двор ему не ответил.

— Что, сирота, обиделся? Ладно, я пошутил. Бери.

Он снова достал конфету, но теперь уже из-за пазухи, и протянул мне. Я покрутил головой.

— Гордый, — сказал старик. — А ты её, гордость-то, дома держи, за печкой, где тараканы, а то, не ровён час, споткнёшься о какой-нибудь чемодан. Бери конфету. Попробуй только у меня не возьми!

И этот про чемоданы. Что они, сговорились, что ли? Ладно, возьму. Я взял.

Конфета была пустая, одна обёртка. Такая же фига, только упакована по-другому. Я пожал плечами и подождал, пока старик отхохочется.

Он вытер рукавом слёзы. Потом хмуро оглядел двор и снова уставился на меня:

— Ты чего?

— Что «чего»?

— Может, ты ненормальный? Нормальные или смеются, или сразу по морде. А ты стоишь как дубина, даже не плюнул. Тебе сколько лет?

— Десять.

— А, небось, пионер, «Пионерскую зорьку» слушаешь. А конфетку-то взял, не побрезговал. Любишь сладенькое, сиротка. Слушай, а маманька у тебя дома? Может, ножик ей поточить? Или для папани топор?

Он икнул, должно быть — вспомнил приятное.

— А то, что одна обёртка, это и хорошо. Зубы не заболят.

Тут он вроде бы про меня забыл и взялся за точильное колесо. В руке его уже был тесак, такими мясники рубят мясо. Башмак сыграл на педали «румбу», ремень пошёл, колёсико завертелось, мохнатые брови, чтобы не облысеть, ловко забегали по лицу, уворачиваясь от сухого ветра и летящих из-под точила искр.

Я совсем уже собрался идти, наевшись досыта дедовых бородатых шуток, бумажных чучел мишек на севере, беганья мохнатых бровей, — и ушёл бы, надо было уйти, но ноги почему-то стояли, а сам я бараньим взглядом пялился на его работу и глаз не мог отвести.

Время шло, ноги стояли, искорки летели в лицо. Надо было что-то сделать или сказать. Я проямлил первое, что пришло на язык.

СОДЕРЖАНИЕ

БЕГСТВО В ЕГИПЕТ

Бегство в Египет. <i>Маленькая повесть для больших детей</i>	7
Парашют вертикального взлёта. <i>Рассказ</i>	67
Порох непромокаемый. <i>Повесть</i>	75
Женька. <i>Рассказ</i>	191
Правило левой ноги. <i>Повесть</i>	200
Рубль. <i>Рассказ</i>	274
Акуака. <i>Рассказ</i>	285
Как дружба с недружбою воевали. <i>Повесть</i>	298

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА

Мама. <i>Рассказ</i>	375
По морям, по волнам. <i>Рассказ</i>	395
Мария. <i>Рассказ</i>	418
Жар-бомба. <i>Рассказ</i>	420
Смотритель маяка. <i>Рассказ</i>	432
К чёрту. <i>Рассказ</i>	445
Пришельцы с несчастливыми номерами. <i>Повесть</i>	448
Массовое братание на углу улицы Некрасова и улицы Маяковского возле памятника поэту. <i>Рассказ</i>	507
Самый главный... <i>Рассказ</i>	519
Жизнь в неблагополучном районе. <i>Рассказ</i>	528

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПАУТИНЫ. Роман

Товарищ Маузер. Глава из романа «Человек из паутины», не вошедшая в основной текст	547
	727

ЛЕТУЧИЙ МАРСИАНСКИЙ КОРАБЛЬ

Новая Книга мёртвых. <i>Роман</i>	735
---	-----

АЛЕКСАНДР ЕТОЕВ
БЕГСТВО В ЕГИПЕТ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ СВЕТОТЕНИ

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная вёрстка Михаила Львова
Корректоры Анна Быстрова, Лариса Ершова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 21.04.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 54,88. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ARL-41258-01-R